

Ю.Е. БЕРЕЗКИН

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия
E-mail: berezkin1@gmail.com
ORCID 0000-0001-6001-7339

ПАЛЕОИНДЕЙСКИЙ, ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЙ И СИБИРСКИЙ КОМПОНЕНТЫ УСТНЫХ ТРАДИЦИЙ ЭСКИМОСОВ

АННОТАЦИЯ

Возможность использовать для изучения древних миграций и культурных процессов аналитические единицы, извлеченные из традиционных нарративов, вытекает из работ Боаса, опубликованных в 1895–1915 гг. В 1920-х приоритеты американской антропологии изменились, так что в XX в. фольклористика как историческая дисциплина не состоялась. Сейчас мы хотели бы завершить то, что было начато и брошено более ста лет назад. Наша база данных фольклора и мифологии мира содержит более 80 тысяч резюме текстов и позволяет примерно определять время распространения эпизодов и образов. В статье описаны параллели мотивам повествований эскимосов за пределами американской Арктики. Ее заселение палеоэскимосами связано с появлением на Аляске в 3-м тыс. до н. э. кремневого комплекса денби, восходящего к белькачинской культуре Восточной Сибири. Ожидалось, что эскимосские мифологии продемонстрируют в основном сибирские связи. Однако наиболее

многочисленные параллели оказались в Южной Америке. Эти мотивы должны были быть известны в период заселения Нового Света около 15 тыс. л. н. Мотивов с восточноазиатскими параллелями меньше, и часть из них также встречается в Южной Америке. Американские аналогии в Восточной и Северо-Восточной Сибири зафиксированы преимущественно у индейцев, а не у эскимосов. Пока удалось найти лишь один мотив, имеющий соответствия в Сибири и, возможно, унаследованный от создателей белькачинской культуры. Однако и он характерен прежде всего для индейцев северо-запада США, одна фиксация есть в Южной Америке. Отличная в подробностях эскимосская версия отделилась от основной на Аляске и была перенесена в Канаду и Гренландию палеоэскимосами либо 800 л. н. инуитами. Устные традиции эскимосов сложились на Аляске и в большей степени восходят к местному субстрату, нежели к традициям языковых предков эскимосов и алеутов в Сибири.

Ключевые слова: эскимосы туле, палеоэскимосы, сравнительная мифология, заселение Америки, белькачинская культура, Франц Боас.

Для цитирования: Березкин Ю.Е. Палеоиндейский, восточноазиатский и сибирский компоненты устных традиций эскимосов // *Camera praehistorica*. 2024. № 2 (13). С. 8–23. DOI: 10.31250/2658-3828-2024-2-8-23.

Y. E. BEREZKIN

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences,
Universitetskaya nab., 3, St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: berezkin1@gmail.com
ORCID 0000-0001-6001-7339

PALEOINDIAN, EAST ASIAN AND SIBERIAN COMPONENTS OF THE ESKIMO ORAL TRADITIONS

ABSTRACT

The possibility to use analytical units extracted from traditional narratives for the study of prehistoric migrations and contacts follows from the works of Franz Boas published between 1895 and 1915. In the 1920s, the priorities of American anthropology changed, so the folklore studies missed the opportunity to become a tool of historic research. Here we try to advance a project abandoned a hundred years ago. Our database consists of more than 80,000 abstracts of texts from all over the world and helps to determine the approximate time of spread of narrative episodes and mythological ideas. The study analyzes the parallels between the narrative motives of the Eskimo and motives collected outside of the Arctic. Since the Paleo-Eskimo are associated with the Denbigh flint complex, which appeared in Alaska about 3000 BC and, which is usually believed to descend from the Eastern Siberian Belkachi culture, it can be assumed that Siberian links must prevail in the narratives of the Eskimo. Instead, parallels for those

episodes and images that typical for the Arctic are found mostly in South America. Apparently, these motives appeared in the New World during its initial peopling around 15,000 cal. BC. The narrative analogies between the Arctic and the East Asia are less numerous and some of them are also found in South American traditions. The American parallels in Siberia are widespread among the Indians but not among the Eskimo. To date, only one episode of Eskimo tales with definite Siberian roots, namely “The Blind Hunter”, has been identified. Though possibly related to the Belkachi tradition, this motif is also typical for the Indians of the North American Northwest, one case recorded in South America. The Eskimo version is slightly different from the main one. It probably split from it in Alaska and was brought to Canada and Greenland by the Paleo-Eskimo or by the Inuit. The Eskimo oral traditions emerged in Alaska and in major part go back not to the Siberian language ancestors of the Eskimo and Aleuts but to the local substratum.

Key words: Thule Eskimo, Paleo-Eskimo, comparative mythology, peopling of America, Belkachi culture, Franz Boas.

For citation: Berezkin Y.E. Paleoindian, East Asian and Siberian components of the Eskimo oral traditions. *Camera praehistorica*. 2024, no. 2 (13), pp. 8–23. DOI: 10.31250/2658-3828-2024-2-8-23 (in Russian).

ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ

Задачи работы — выявить элементы устных традиций эскимосов, унаследованные от более раннего населения Берингоморья / Берингии, и оценить преобладающие направления внешних связей арктического набора мотивов¹.

Со времен братьев Гримм датировка появления мотивов, сюжетов и жанров устных традиций главным образом основывалась на просвещенных догадках. Сейчас она возможна путем сопоставления ареалов распространения повествовательных эпизодов и мифопоэтических образов с материалами популяционной генетики и археологии. Благодаря успехам этих дисциплин за последние 30 лет удалось много узнать о том, как люди современного типа распространились по ойкумене и достигли Америки. Эти данные позволяют очертить контуры сфер обмена информацией, возникавших в ходе миграций и культурных контактов. Формирование, распад и взаимодействие подобных сообществ определяет ход истории, и заселение Америки — важный эпизод в этом процессе. Если ареалы распространения фольклорно-мифологических мотивов территориально совпадают с определенными сферами взаимодействия, их можно соотносить с периодами существования соответствующих сообществ. Именно стремление выявить информацию, касающуюся времени и обстоятельств проникновения людей в Новый Свет, заставило нас заняться сбором и систематизацией разбросанных по публикациям текстов.

В настоящий момент в интернете доступны более 80 тысяч нарративов и описаний верований. Наш текстовый каталог [Березкин, Дувакин 2024] содержит их резюме со ссыл-

¹ «Мотив» есть эпизод или образ, обнаруженный в двух или более традициях. «Традиция» есть совокупность текстов, зафиксированных у представителей определенной языковой общности или в пределах определенной территории.

ками на источники и обновляется раз в год, в январе².

Работа, начало которой было положено в 1970-х годах, во многом опирается на идеи, высказанные в начале XX в. Францем Боасом — основоположником научной антропологии в США, исследователем этнографии и устных традиций индейцев и эскимосов (его деятельность как физического антрополога мы не касаемся). Трезвость и опора на факты в работе с этими материалами выгодно отличают Боаса от сторонников многих других направлений в изучении культуры. Оценивая данные мифологии и фольклора, Боас видел, что отраженные в текстах представления противоречивы, а системными становятся лишь в результате деятельности конкретных людей [Boas 1940: 312, 447–448]; что длинные мифологические циклы возникают лишь как реакция информанта на ожидания собирателя [Boas 1940: 470]; что выбор содержащихся в текстах этиологических объяснений случаен и в разных регионах неодинаков [Boas 1940: 470]; что жанры фольклора — не универсальное явление и в устных традициях Нового Света их не было [Boas 1940: 454]; что наблюдения над окружающей действительностью мифологических представлений не порождают [Boas 1940: 431, 486]; что повествовательные эпизоды, из которых состоят «мифы», в сложных повествованиях вступают в разнообразные комбинации и между этими эпизодами логической связи нет [Boas 1940: 403, 471]; что невозможно определить значение повествований для людей прошлого и нелепо пытаться реконструировать

² В статье использованы сведения, почерпнутые из нескольких сотен публикаций. Мы не приводим соответствующую библиографию, а отсылаем к указанному электронному ресурсу. В тексте приводятся только названия и шифры мотивов, по которым следует вести поиск в каталоге (b24, e9i3 и т. п.). Использование заглавных и строчных литер произвольно. Карты распространения мотивов и их английские и русские определения доступны в режиме онлайн на сайте <http://mapsofmyths.com>, который создан Н.В. Машковым. В силу определенных обстоятельств сайт имеет логин (customer) и пароль (aether), но тайны они не составляют.

некую первоначальную форму текстов [Boas 1940: 480]; что конечное происхождение мотивов определить нельзя, но можно и нужно картографировать ареалы их распространения [Boas 1940: 307, 311, 480–481]. Знающие материал не могут не согласиться с этими утверждениями.

Вместе с тем Боас не решил для себя вопроса о роли человеческой психики в порождении сходных образов и эпизодов, то отрицая реальность якобы обусловленных ею универсалий в мифологии, то допуская существование неких «психологических законов» [Boas 1940: 311, 458]. Это могло быть главным источником его сомнений касательно исторической связи между похожими текстами из удаленных друг от друга районов, притом что данной темой Боас интересовался [Boas 1940: 461]. Создается впечатление, будто он склонялся к признанию реальности дальних связей, но боялся скомпрометировать себя утверждениями, которые не мог доказать. Но хотя скудость сведений о прошлом Америки, Азии и Океании, которыми располагали исследователи век назад, делала такую позицию оправданной, отсутствие у Боаса какого-либо интереса к археологии с ее растущим потенциалом стало одной из причин его отказа от исторических исследований в пользу психологизма.

Тем не менее, сформулировав в период между 1895 и 1915 гг. перечисленные выше постулаты, Боас, по сути дела, продемонстрировал, что тексты состоят из подверженных репликации элементов. Рассказчики не замечают эпизодов, образов, числовых констант и словесных клише, которые сами используют, а наборы этих элементов в традициях не зависят от внешних условий. Подверженные репликации элементы фольклора есть такие же маркеры для прослеживания миграций и контактов, как и гаплогруппы, с той существенной разницей, что они передаются не только от предков потомкам, но и между неродственными популяциями. Боас и его коллеги стали даже составлять список подобных маркеров, которые мы называем мотивами, а американские этнологи называли *catch-words* [Kroeber 1908; Lowie 1908]. Но когда

с 1920-х гг. антропология в США развернулась в сторону психологизма, а чуть позже и параллельно с этим — неоэволюционизма, сопоставление традиционных нарративов и поиск культурных связей и ареальной специфики утратили актуальность.

В результате случилось так, что база данных фольклора и мифологии Америки, как и мира в целом, оказалась создана в недавние десятилетия в Санкт-Петербурге, а не там, где ее можно было создать значительно раньше и где необходимые источники для этого были и остаются намного доступнее.

ЭСКИМОСЫ И ИХ ФОЛЬКЛОР

Лаврентийский ледниковый щит растаял лишь около 8 тыс. л. н. [Rice et al. 2023], так что в американскую Арктику за пределами Аляски люди проникли намного позже, чем на основную территорию Нового Света. Приполярные области Гренландии и Канады были заселены не в результате продвижения индейцев на север, а в ходе новой миграции из Сибири. Надо полагать, что население Колымы и Чукотки было лучше подготовлено к освоению высоких широт, чем жители канадской тайги.

На рубеже 4-го и 3-го тыс. до н. э. на Аляске появляется кремневый комплекс денби, или арктическая традиция малых орудий. Больше всего памятников найдено на полуострове Сьюард и на северо-западе Аляски [Tremayne, Rasic 2016: fig. 14]. Кремневая индустрия указывает на связь денби с восточносибирской белькачинской культурой [Flegontov et al. 2019; Gill et al. 2024; Human Colonization... 2017: 352–353, 399; Tremayne, Rasic 2016: 6–7]. На Аляске традиция денби сохраняется до второй половины 1-го тыс. до н. э., но на тихоокеанскую сторону водораздела не проникает [Dumond 1974; 2005: 23–28; Tremayne, Rasic 2016: 5]. Продвигаясь на восток по прилегающим к Северному Ледовитому океану районам, ее создатели в начале — середине 3-го тыс. до н. э. достигли острова Элсмита и Земли Пири [Flegontov et al. 2019; Human Colonization... 2017: 346–347,

367, 401]. Авторы обзора радиоуглеродных датировок по денби склонны относить появление этой индустрии на Аляске в лучшем случае к середине 3-го тыс. до н. э. [Tremayne, Rasic 2016], что, соответственно, требует пересмотра дат по восточной Арктике. Этот вопрос не имеет для темы статьи существенного значения, так что, придерживаясь даты «5000 л. н.» для времени появления палеоэскимосов, мы просто следуем за большинством публикаций.

Во 2-м тыс. до н. э. — 1-м тыс. н. э. в американской Арктике существуют различные культуры эскимосского облика, описывать которые не входит в нашу задачу. Самые многочисленные палеоэскимосские памятники относятся к культуре саккак в Западной Гренландии, видимо связанной с другим потоком мигрантов с запада, чем более северная культура индепенденс I. Арктические культуры 3-го тыс. до н. э. — 1-го тыс. н. э. принято называть палеоэскимосскими, хотя о языках их носителей судить невозможно. Обозначением «палеоэскимосы» пользуются генетики и археологи. Выводы генетиков часто корректируются, и окончательная картина вряд ли уже очерчена. Анализ генома человека культуры саккак показал его близость нганасанам, чукчам и корякам, а не современным эскимосам [Rasmussen et al. 2010]. Другие данные указывают на близость палеоэскимосов не только корякам, но и носителям языков на-дене (то есть в основном атапаскам) [Flegontov et al. 2019] и создателям упомянутой белькачинской культуры, жившим в Якутии в 4-м тыс. до н. э. [Gill et al. 2024]. Предки нео- и палеоэскимосов смешивались, но не в Канаде, а в Сибири или Берингии [Raghavan et al. 2014]. У палеоазиатов присутствуют гены индейцев и палеоэскимосов, принесенные на северо-восток Азии неоэскимосами (они же эскимосы туле) [Flegontov et al. 2019]. В целом мало сомнений в том, что предки как палео-, так и неоэскимосов жили на северо-востоке Сибири. Их история в Новом Свете прослежена сравнительно неплохо, но надежно соединить ее с историей сибирских культур все еще не удается.

Эскимосские языки делятся на две ветви: юпик и инуит–инупиат. Первые распространены на юго-востоке Аляски, к ним же относятся языки / диалекты азиатских эскимосов. Вторые образуют языковой континуум от Берингова пролива до Гренландии. Эскимосов северо-западной Аляски принято именовать инупиатами, а эскимосов Канады и Гренландии — инуитами. 700–800 лет назад предки людей, говорящих на этих языках, создатели культуры туле, распространились из Берингоморья в восточную Арктику, сменив создателей культуры дорсет, а в Гренландии также норвежцев [Flegontov et al. 2019]. Что касается алеутов, то их языки (из которых сейчас сохранился только восточный) разошлись с эскимосскими примерно 4000 лет назад [Campbell 1997: 109]. Культурная история Алеутских островов с культурами палео- и неоэскимосов напрямую не связана. Расселение эскимосов и некоторых их соседей показано на рис. 1.

Данные по устным традициям эскимосов и их соседей в количественном отношении разнятся. Число зарегистрированных в нашем каталоге мотивов для основных групп следующее: коряки (оленные) — 79, чукчи — 250, эскимосы Чукотки и острова Св. Лаврентия — 163, алеуты — 68, остров Нунивак и центральные юпики — 122, алютиик и чугачи — 95, инупиаты — 228, западные инуиты (эскимосы дельты Маккензи и медные) — 109, восточные инуиты — 191, атапаски западной и северной Аляски (ингалик, колчан, коюкон, танана, танайна, кучин) — 298, тлинкиты — 216. Для чукчей, азиатских эскимосов, юпиков, инуитов (по крайней мере восточных), атапасков и тлинкитов различия в числе известных мотивов, видимо, соответствуют реальности, поскольку эти традиции неплохо описаны. Существенная часть данных по корякам, алютиик и особенно по алеутам могла быть утрачена. Судя по числу общих мотивов в различных парах традиций, в пределах рассматриваемого региона интенсивность связей определяется скорее географической, а не языковой близостью.

Поскольку древность культур эскимосского облика не превышает 5000 лет, можно было

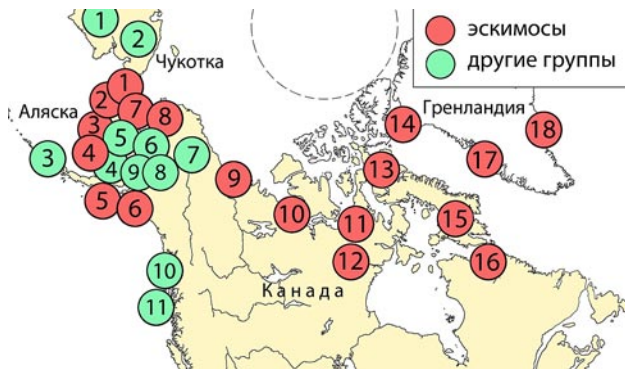

Рис. 1. Эскимосские группы, выделенные в нашем каталоге как отдельные традиции, и упоминаемые группы другой языковой принадлежности. Эскимосы: 1 — азиатские эскимосы; 2 — эскимосы о. Св. Лаврентия; 3 — юпики о. Нунивак; 4 — центральные юпики; 5 — алютиик (кадьякцы); 6 — чугачи; 7 — инупиаты Берингова пролива; 8 — инупиаты северной Аляски; 9 — эскимосы устья Маккензи; 10 — медные эскимосы; 11 — нетсилик; 12 — карибу; 13 — иглулик; 14 — полярные эскимосы; 15 — эскимосы Баффиновой Земли; 16 — эскимосы Лабрадора; 17 — эскимосы Западной Гренландии; 18 — ангмассалик. Другие группы: 1 — коряки; 2 — чукчи; 3 — алеуты; 4 — ингалик; 5 — колчан; 6 — коюкон; 7 — кучин; 8 — танана; 9 — танайна; 10 — тлингиты; 11 — хайда

Fig. 1. The Eskimo groups selected in our catalogue as separate traditions, and other groups mentioned in text. Eskimo groups: 1 — Siberian Yupik; 2 — Yupik of the St. Laurence Island; 3 — The Nunivak Island Yupik; 4 — Central Yupik; 5 — Alutiiq (Sugpiaq); 6 — Chugach; 7 — Bering Strait Inupiat; 8 — North Alaska Inupiat; 9 — Mackenzie River Inuit; 10 — Copper Inuit; 11 — Netsilik; 12 — Caribou Inuit; 13 — Iglulik; 14 — Thule or Polar Inuit; 15 — Baffin Land Inuit; 16 — Labrador Inuit; 17 — West Greenland Inuit; 18 — Angmassalik. Other groups: 1 — Koryak; 2 — Chukchi; 3 — Aleuts; 4 — Ingalik; 5 — Kolchan; 6 — Koyukon; 7 — Kutchin (Gwichin, Loucheux); 8 — Tanana; 9 — Denaïma; 10 — Tlingit; 11 — Haida

ожидать, что в традициях инуитов и юпиков будет гораздо больше сибирских параллелей, чем у индейцев. Но оказалось, что южноамериканских параллелей в устных традициях эскимосов больше, чем сибирских, тогда как в Сибири и в Северной Евразии в целом аналогии прослеживаются скорее с индейцами. В качестве

примера мы описываем несколько мотивов эскимосских традиций, которые могут считаться наследием эпохи заселения Нового Света. Полный обзор таких параллелей в формате статьи невозможен.

МИФ О СЕДНЕ

В 2003 г. в Паломарской обсерватории в Калифорнии был открыт транснептуновый объект, получивший наименование Седна. Имя хозяйки морских животных выбрали по ассоциации с арктическим холодом. В мифологии восточных инуитов (нетсилик, иглулик, полярных, эскимосов Западной Гренландии, Баффиновой Земли, Лабрадора и, возможно, эскимосов карибу) Седна (также Сидне, Сана [Wardle 1900: 569]) — хозяйка морских животных и нижнего мира. Существует несколько версий посвященного ей этимологического сюжета. Во всех описывается, как отец плывет в лодке, а его дочь оказывается в воде. Когда она пытается схватиться за борт, он отрубает ей пальцы. Из отрубленных фаланг возникают морские млекопитающие, а сама женщина становится их хозяйкой либо китообразным животным — нарвалом или белухой. Мотив происхождения морских млекопитающих из отрубленных пальцев женщины, схватившейся за борт лодки, есть и в Берингоморье у чукчей и инупиатов, хотя образ богини моря в этих традициях не зафиксирован. У западных инуитов (эскимосы устья Маккензи и медные) сюжет отсутствует (рис. 2: 1).

Поскольку образ хозяйки моря известен лишь на востоке американской Арктики, нет оснований предполагать его глубокую древность. В инуитском мифе о Седне есть несколько эпизодов, и превращение молодой женщины в морскую богиню — лишь один из них. Независимо от содержания полной фабулы, в эпизоде с отрубленными пальцами всегда описываются взаимоотношения мужчины и женщины двух разных поколений и превращение женщины и / или ее пальцев в водных животных.

В начале 1950-х годов немецкий этнограф О. Церрис заметил сходство соответствующих

нарративов у эскимосов и у варрау устья Ориноко [Zerries 1954: 346, 376]. В последней четверти XX в. были опубликованы несколько подобных текстов варрау [García 1993: 281–287; Wilbert 1970: 288, 305]. Если опустить эпизоды, не относящиеся к нашей теме, эти повествования сводятся к следующему. Одинокая старая женщина по имени Гуаута, или Ваута, приютила убежавшую от демона молодую женщину с маленьким сыном (либо двух сестер, у каждой из которых младенец). Она превратила ребенка во взрослого юношу по имени Хабури и стала называть себя его матерью. Узнав о своем истинном происхождении, юноша вместе со своей настоящей матерью уплывает в лодке от Гуауты. Та бросается в воду и хватается за борт. Хабури отсекает ей пальцы веслом, и она превращается в лягушку.

То, что параллель между версиями эскимосов и варрау не случайна, подтверждается наличием еще одного южного текста, о котором Церрис не знал. В мифе индейцев куна на юго-востоке Панамы сыновья старухи съедают пришедшую к ним женщину. Старуха находит в ее утробе восьмерых мальчиков, растит их и притворяется матерью. Узнав, кто их настоящая мать, братья толкают старуху в воду, а когда она хватается за протянутый ей жезл, отрубают пальцы. Она сама и фаланги пальцев превращаются в жаб и лягушек [Wassén 1934: 70]. Нигде более, кроме как в Арктике и у индейцев Панамы и Венесуэлы, подобного сочетания мотивов нет.

Как было сказано, для многих десятков мотивов, использованных в записанных в Новом Свете повествованиях, типичен разорванный ареал. Подобные тексты встречаются на северо-западе Северной Америки, а далее в Южной. Североамериканский ареал отражает след палеоиндейцев, двигавшихся из Берингии вдоль берега Тихого океана. Южнее Колумбийского плато и особенно в пределах центральноамериканского «бутылочного горла» этот след нередко теряется, что можно объяснить вытеснением более ранних групп мигрантов более поздними. После выхода на пространства Южной Америки вероятность длительного сохранения наследия

различных этнокультурных общностей возрастала — отсюда обилие здесь параллелей для северных текстов.

На этом фоне надо оценивать и южноамериканские аналогии в Арктике. Особенность изложенной выше истории про отрубленные пальцы, которые превращаются в морских животных или в лягушек, состоит лишь в том, что соответствующий сюжет у североамериканских индейцев вовсе не сохранился. Однако его наличие в Берингоморье указывает на тот территориально далекий источник, к которому в конечном счете восходит описанный эпизод у варрау и куна.

ДРУГИЕ АРКТИЧЕСКИЕ АНАЛОГИИ В АМЕРИКАНСКИХ ТРОПИКАХ

Похожее распределение (Арктика и Южная Америка) дает мотив «Щепки превращаются в рыб» (b54; см. прим. 2 на с. 10). Упавшие или брошенные в воду щепки, ветки или куски коры превращаются в рыб и водных животных (рис. 2: 2). Тематически данный мотив близок соответствующему эпизоду мифа о Седне (этиология обитателей вод). На основной территории Старого Света (Чукотка в данном случае есть скорее продолжение Америки) он редок и закономерностей в распределении не обнаруживает.

Анализ больших данных по фольклору и мифологии мира показывает, что если большинство мотивов, отражающих истолкование объектов ночного неба, зафиксировано в континентальной Евразии и Северной Америке, то большинство мотивов, отражающих представления о человеческой анатомии, отношениях полов и антропогенезе, распространено в Новом Свете и в пределах индо-тихоокеанской окраины Азии [Березкин 2018]. Мотив m28a нашего каталога относится именно к этой тематической категории.

У инуитов (эскимосы устья Маккензи, иглулик, полярные, ангмассалик) записаны тексты, согласно которым охотник видит, как его жена вызывает вырастающий из земли или из озера penis и совокупляется с ним (наш мотив f28a).

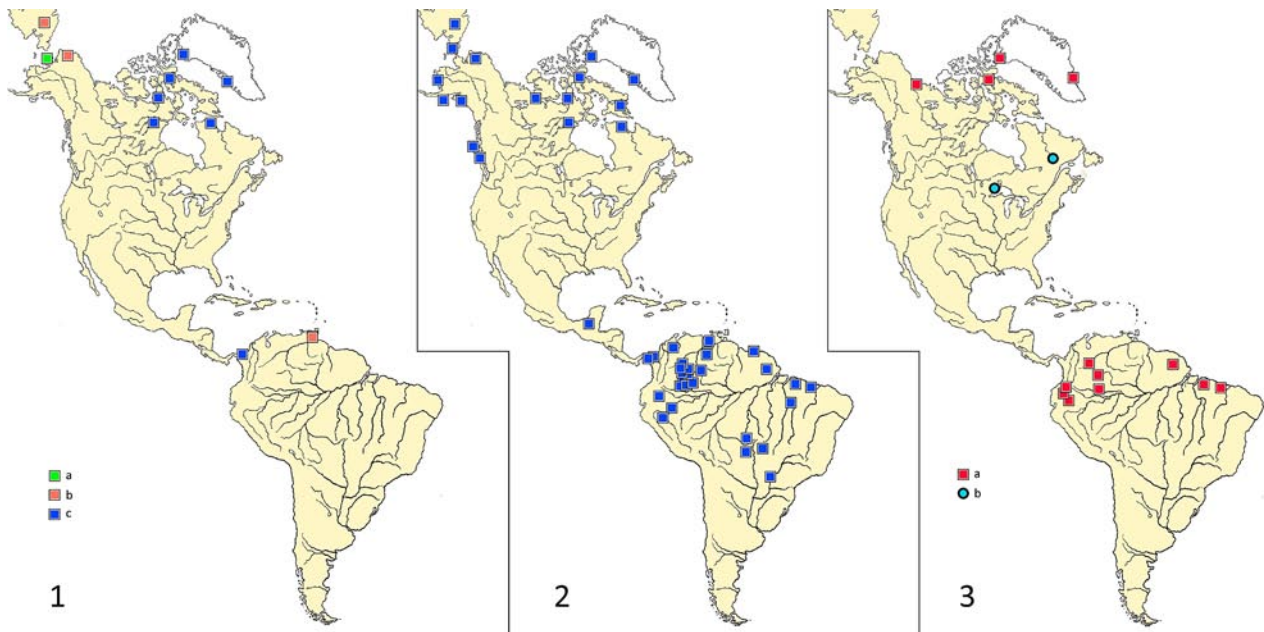

Рис. 2. Распространение некоторых мотивов, зафиксированных у эскимосов и в Южной Америке.

1 — Мужчина и женщина, принадлежащие к разным поколениям (отец–дочь, сын–мать), вступают в конфликт. Мужчина уплывает от женщины в лодке или на плоту. Когда женщина пытается ухватиться за край лодки (плота), он отрубает ей пальцы: а — пальцы превращаются в животных; б — женщина превращается в морское млекопитающее, в их хозяйку или в лягушку; в — оба мотива сочетаются.

2 — Упавшие или брошенные в воду щепки, ветки или куски коры превращаются в рыб и водных животных.

3 — Пенис как самостоятельный персонаж: а — он появляется из земли или из воды в озере, женщины используют его для секса; б — женщина возит чудовищный пенис с собой на нартах и стремится избавиться от него.

Fig. 2. Spread of some motifs registered among the Eskimo and in South America. 1 — A male and a female person of different generations (father and daughter, son and stepmother) enter into a conflict. The man moves away in a boat or on a raft. When the woman attempts to grasp the rim of a boat, he cuts her fingers off: a — fingers turn into aquatic animals; b — the woman herself turns into a sea mammal, a frog, or becomes the sea mammal's mistress; c — both motifs are combined. 2 — Chips of wood, branches or pieces of bark thrown or fallen into the water turn into fish and / or aquatic animals. 3 — Human penis is a special monstrous being: a — it appears from the earth or from the water of a lake, women use it for copulation; b — a woman carries it on her sledge and tries to get rid of it.

Охотник вызывает пенис теми же словами, которые произносила его жена, убивает и подкладывает ей в пищу. Похожие тексты зафиксированы в Южной Америке с той разницей, что там услугами пениса часто пользуются амазонки либо все женщины общины первопредков (рис. 2: 3а). Рамочный сюжет (мужчина следит за женщиной, убивает ее любовника нечеловеческой природы и кормит ее его мясом) распространен в Новом Свете почти повсеместно, но персонаж-пенис уникален для Южной Америки и Арктики. Что-то подобное есть еще у алгонкинов Среднего

Запада и Северо-Востока (оджибва и монтанье), однако в этих традициях женщина не вызывает пенис по желанию, а, напротив, стремится избавиться от него (рис. 2: 3б).

Другой мотив, относящийся к той же тематической категории и связывающий Арктику и Аляску с Южной Америкой, — «Влюбленный месяц» (а31). В результате интимных контактов или конфликта ночное светило приобретает свой нынешний облик — поднимается в небо с земли или на нем появляются пятна (рис. 3: 1). Мотив известен почти всем инуитам и юпикам,

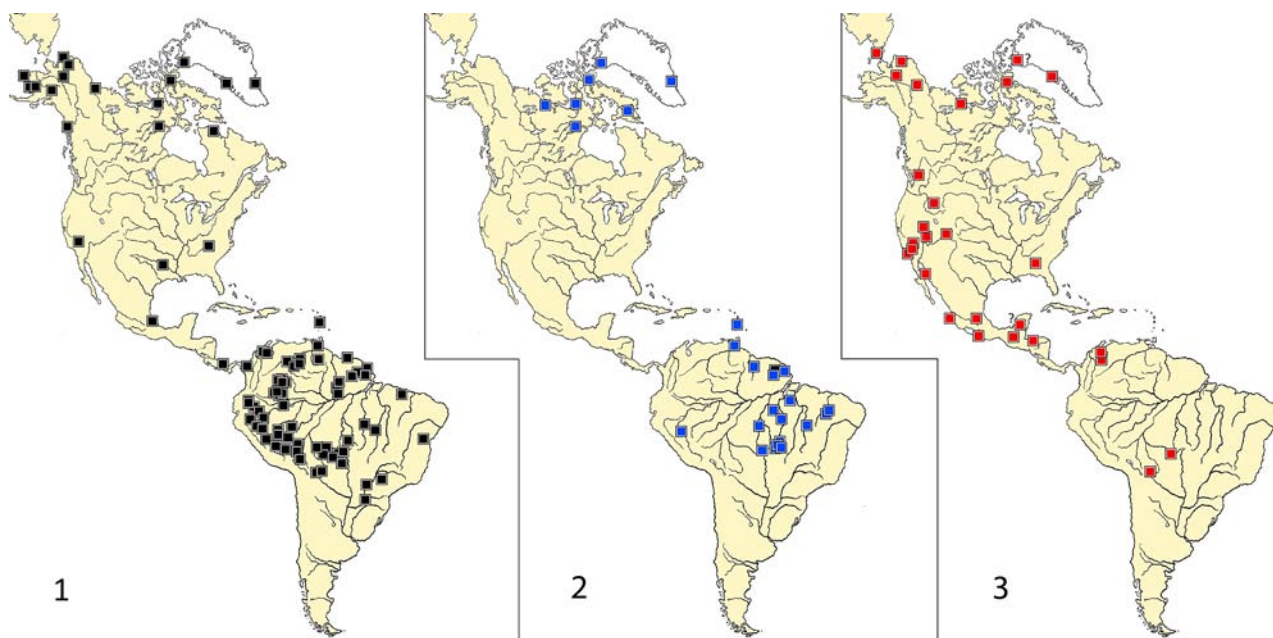

Рис. 3. Распространение некоторых мотивов, зафиксированных у эскимосов и в Южной Америке. 1 — В результате интимных контактов или любовного конфликта ночное светило приобретает свой нынешний облик (поднимается в небо с земли или на нем появляются пятна). 2 — Женщина сходится с животным. Люди враждебного народа происходят или получают свою культуру от потомков этого брака или от родственников животного-любownika. 3 — Светящиеся небесные объекты или атмосферные явления есть телесные выделения небесных существ.

Fig. 3. Spread of some motifs registered among the Eskimo and in South America. 1 — Because of an intimate contact and / or improper behavior in connection to sexual relations, the Moon acquires its present appearance and/or ascends to the sky. 2 — A woman is impregnated by an animal, usually by a snake. The hostile nation originates or receives its culture from her progeny or from her paramour's relatives. 3 — Shining sky objects or atmospheric phenomena are body secretions (excrements, saliva etc.) of sky dwellers.

а на Аляске также тлинкитам и атапаскам коюкон. В пределах основной территории Нового Света мотив зафиксирован на юго-востоке Центральной Америки и у большинства индейцев Амазонии и Гвианы. В Северной Америке и в Мексике есть лишь четыре случая (чироки, кэддо, кауилья, тотонаки). Отсутствие этого мотива на большей части Евразии делает маловероятным его недавний перенос в Новый Свет с палео- или неоэскимосами. В Старом Свете знакомые с данным мотивом традиции тянутся полосой через юг Европы, Кавказ, север Индии и Вьетнам, появляясь далее на Новой Гвинее. Если американские и азиатские варианты связаны, то речь, несомненно, идет о палеолите.

Примером мотива, известного только инуитам и индейцам Южной Америки к востоку от Анд, но отсутствующего на промежуточных территориях, служит «Прародительница иноплеменников» (h29). Женщина сходится с нечеловеческим существом и порождает предков враждебного народа (либо те получают свою культуру от ее потомства, от родственников ее любовника или от детей ее братьев). У инуитов девушка сходится с псом, а вся история нередко сюжетно связана с мифом о Седне. Чаще всего повествования объясняют происхождение европейцев, но иногда также предков враждебных эскимосам индейцев. В южноамериканских вариантах девушка обычно сходится с рептилией или червем, ее

потомками бывают как европейцы, так и индейцы враждебного племени (рис. 3: 2).

Мотив «Небесный помет» (i69) распространен в основном в Америке (рис. 3: 3). Светящиеся небесные объекты или атмосферные явления (чаще всего падающие звезды) есть телесные выделения небесных существ. В Евразии большинство версий записано в Индии. В Арктике этот мотив известен эскимосам Берингоморья (Чукотка, остров Св. Лаврентия, инуиаты), Восточной Канады и Гренландии. На Аляске он есть также у самых северных групп атапасков — коюкон и кучин. В более южных районах Северной Америки тот же мотив представлен в основном на территории США к западу от континентального водораздела, а далее в Центральной и Южной Америке. Хотя в данном случае арктические

и тропические фиксации обширной лакуной не разделены, само наличие южноамериканских вариантов при отсутствии мотива в Сибири исключает возможность его переноса в Америку в последние тысячелетия и заставляет относить распространение к палеоиндейской эпохе.

ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЕ И СИБИРСКИЕ АНАЛОГИИ

Еще один географически далекий регион, в котором представлены параллели мифологии эскимосов, а также индейцев северо-западных областей Северной Америки, — Восточная и Юго-Восточная Азия. Речь, в частности, идет о мотиве «Женщина и пес: происхождение людей» (k47a). Любовником женщины оказывается

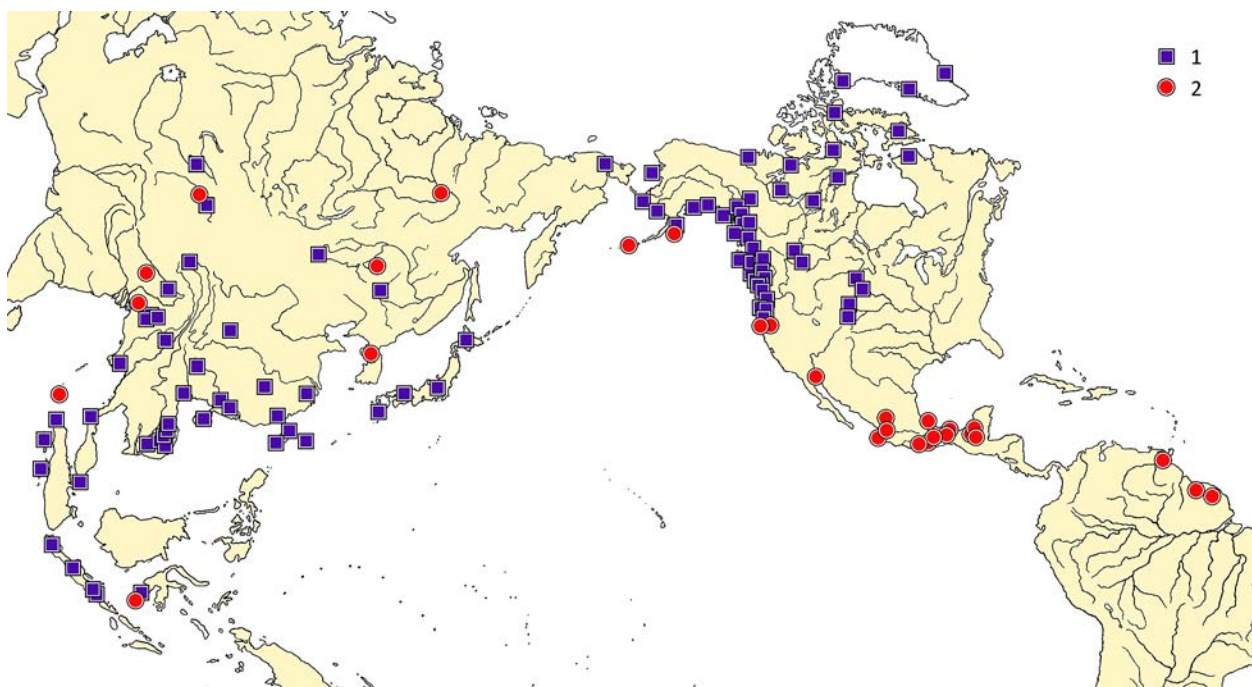

Рис. 4. Распространение мотивов, описывающих происхождение людей от собаки. 1 — Женщина сходится с псом. Ее дети вырастают людьми и обычно становятся предками определенных этнических групп. 2 — Все люди или отдельные этносы, линиджи, семьи считаются потомками собаки, с которой сошелся мужчина.

Fig. 4. Spread of some motifs that describe the origin of the people from a dog. 1 — A woman gives birth after having sexual contact with a dog. Her children grow up to be humans and usually are ancestors of a certain ethnic group. 2 — All people or members or particular ethnic group, lineage or family are descendants of a man who married a dog.

пес, принимающий человеческий облик. Потомки этой пары вырастают людьми и обычно становятся предками определенных этнических групп (рис. 4: 1). Этот мотив знаком юпикам и восточным инуитам, однако на Аляске встречается лишь вдоль южного и западного побережья, зато обычен у индейцев Северо-Западного побережья и Колумбийского плато, равно как и у северных атапасков в Канаде. Создается впечатление, что к восточным инуитам этот сюжет попал не через северную Аляску, а напрямую с Северо-Западного побережья через зону тайги.

У мотива k47a есть «гендерно симметричное» соответствие, согласно которому люди происходят от брака мужчины с собакой, принимающей образ женщины (c12b). В Азии и на Аляске ареальное распределение обоих мотивов сходное, но c12b известен еще и на территории от Калифорнии до Гвианы (рис. 4: 2). Вполне вероятно, что сюжет изначально мог существовать как в «мужском», так и в «женском» вариантах, а наличие мексиканских и гвианских версий делает возможным перенос в Новый Свет в эпоху его заселения, хотя, может быть, не самыми

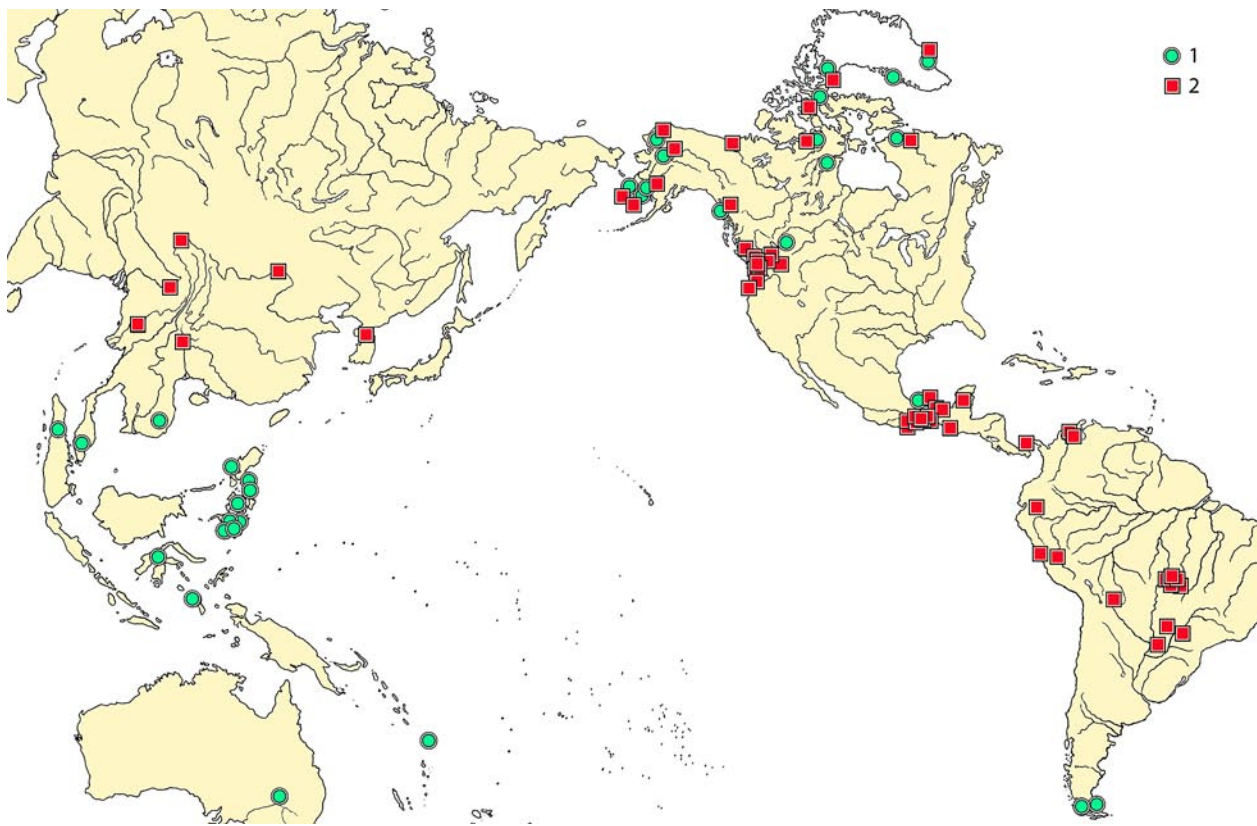

Рис. 5. Распространение мотивов, описывающих взаимоотношения солнца с луной. 1 — Солнце и луна (месяц) — два персонажа, один из которых вечно преследует другого по небу либо преследовал, когда они поднимались в небо с земли. 2 — Солнце и луна (реже солнце и звезда, месяц и звезда) — братья (сестры, брат и сестра), которые первоначально живут на земле, а в конце повествования, будучи подростками или молодыми людьми, поднимаются на небо и становятся светилами.

Fig. 5. Spread of some motifs that describe the relations between the Sun and the Moon. 1 — The Sun and the Moon are two persons, one of which is pursuing another in the sky or pursued him or her when they were rising to the sky from Earth. 2 — The Sun and the Moon (rare: the Sun and a star, the Moon and a star) are two siblings who live on earth and then ascend to the sky and turn into stars.

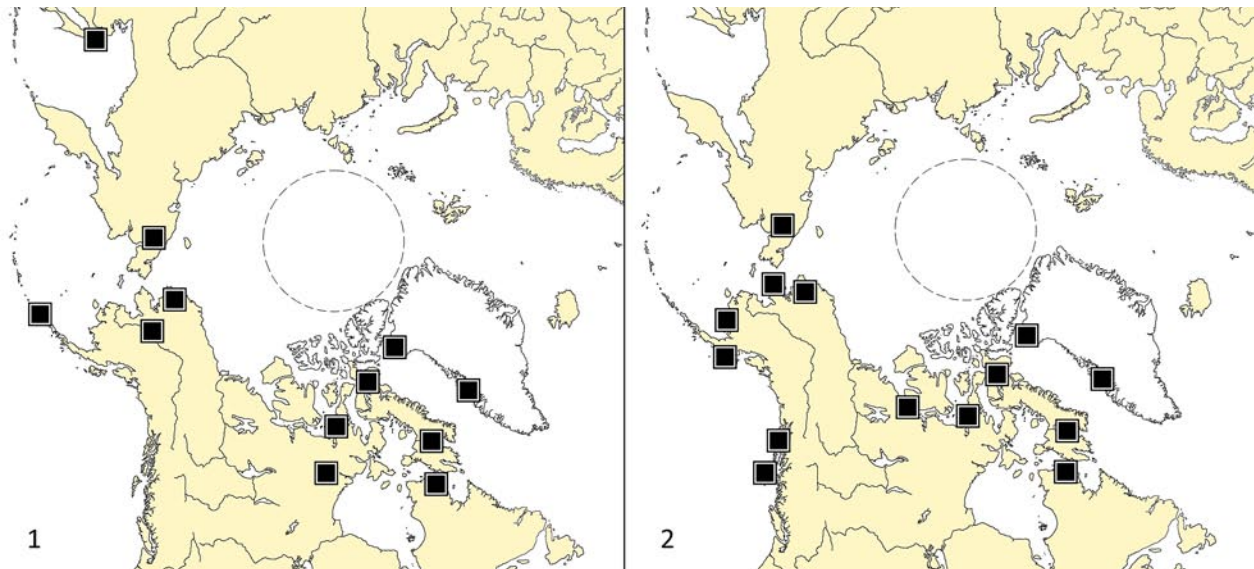

Рис. 6. Распространение мотивов, описывающих брак с женщиной, изначально имеющей облик животного: 1 — жена-лиса; 2 — жена-гусыня

Fig. 6. Spread of some motifs that describe the marriage of a man with a woman who initially has an animal appearance: 1 — fox-wife; 2 — goose-wife

первыми колонистами. Наличие домашних собак у ранних мигрантов в Северную Америку вероятно, для Южной Америки данных недостаточно [Perri et al. 2021; Prates et al. 2010].

Эти параллели с Восточной Азией не единственные. Мотив «Солнце гонится за луной» (a7) изредка встречается в Меланезии и Австралии, очень популярен среди австронезийцев Юго-Восточной Азии, известен эскимосам и атапаскам западной Аляски, восточным инуитам, тлинкитам, черноногим на севере Равнин, тотонакам в Мексике и огнеземельцам (селькнам и алакалуфам). В текстах с этим мотивом солнце и луна (месяц) — два персонажа, один из которых вечно преследует другого по небу либо преследовал, когда они поднимались в небо с земли (рис. 5: 1). Мотив a20 тоже связан с этиологией небесных светил. Солнце и луна (реже солнце и звезда, месяц и звезда) — это братья (сестры, брат и сестра), которые первоначально живут на земле, а в конце повествования, будучи подростками или молодыми людьми, поднимаются в небо и становятся светилами (рис. 5: 2). Данная

особенность циркумтихоокеанских повествований не тривиальна: в большинстве мифологий основные светила изначально мыслятся обитателями верхнего мира и ассоциируются с людьми зрелого, а не юношеского возраста. В Арктике, а также у тлинкитов на Северо-Западном побережье оба мотива, a7 и a20, сочетаются как друг с другом, так и с мотивом «Влюбленный месяц» (рис. 3: 1). Такая комбинация характерна только для американской Арктики и, вероятно, сложилась у палеоэскимосов либо у эскимосов туле. Отдельные же элементы сложного сюжета должны быть намного древнее.

У эскимосов есть мотивы, параллели которым встречаются не в Южной Америке, а в континентальной Евразии. Примерами служат истории о волшебной жене в образе лисы (e9a) и гусыни (e9i3) (рис. 6). Однако они не связывают американскую Арктику с бассейнами Лены и Колымы, где выявлены памятники белькачинской культуры (рис. 8: 3). Не считая частичных восточноазиатских аналогий (лиса как демоническое существо, принимающее образ красавицы),

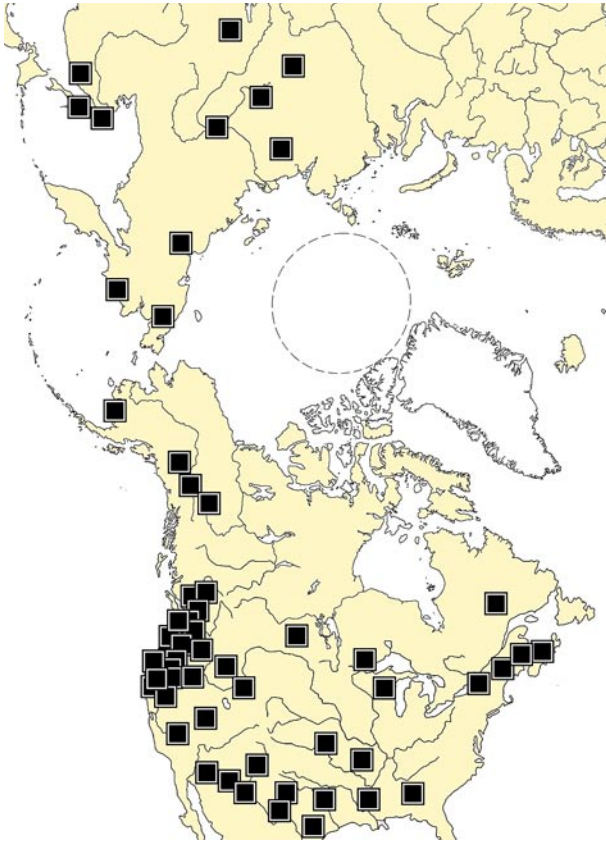

Рис. 7. Распространение мотива «Нога служит мостом». Персонаж протягивает через водную преграду свою ногу или шею. Идущие впереди переходят по такому мосту на другой берег, а идущий позади падает в воду.

Fig. 7. Spread of the motif “The stretched out leg”. Person or animal stretches his (her, its) leg or neck as a bridge across a water body. Those who walk ahead cross the bridge and those who walk behind usually fall because the person takes his bridge off.

жена-лиса в Старом Свете отмечена только у нивхов (рис. 6: 1), а гусыня — в более южных и западных районах континентальной Евразии у дальневосточных эвенков, тувинцев, алтайцев, казахов и далее в Европе (рис. 6: 2). Что касается Америки, то здесь этот образ встречается как у эскимосов, так и на Северо-Западном побережье у тлинкитов и хайда.

В Восточной и Северо-Восточной Сибири американские аналогии есть, но зафиксированы

они преимущественно у индейцев, а не у эскимосов. Примером является мотив «Нога служит мостом» (j45). Персонаж протягивает через водную преграду свою ногу или шею. Идущие впереди переходят по такому мосту на другой берег, а идущий позади падает в воду (рис. 7). Единственная эскимосская группа, которой такой эпизод известен, — юпики юго-западной Аляски, тогда как у североамериканских индейцев это один из самых популярных мотивов.

Удалось отыскать лишь один сибирский мотив, знакомый всем эскимосам. В нашем каталоге он обозначен шифром m17, «Женщина лжет, будто мужчина промахнулся». Жена, мать или бабка направляет стрелу слепого мужчины или мальчика в подошедшего зверя, лжет, будто выстрел был неудачным, готовит и ест мясо убитого зверя сама. Этот мотив есть в Якутии (эвены и лесные юкагиры), на Таймыре (нганасаны) и в Западной Сибири (ненцы Ямала и юганские ханты), то есть в районах, которые в ареал белькачинской культуры вписываются хотя бы частично (рис. 8: 3). Однако в Америке данный мотив известен также атапаскам Аляски и Юкона, различным группам индейцев Северо-Западного побережья и Колумбийского плато, центральной части Равнин (арапахо, айова, осэдж), а также юте верховьев Колорадо и Рио-Гранде (рис. 8: 1). Одна фиксация есть в Южной Америке у пареси (на рис. 8 не показано). Если обратить внимание на подробности повествований, то окажется, что как в сибирских, так и в индейских традициях обманывающая охотника женщина является его женой, но во всех эскимосских — матерью или бабкой (рис. 8: 2). Такой вариант можно сравнить с генетической мутацией, маркирующей расселение определенной популяции, отделившейся от предковой группы. В данном случае мы имеем в виду не языковую или генетическую общность, а сеть информационного обмена на юге Аляски. Заимствовав мотив и слегка изменив детали (мать вместо жены), эскимосы распространили его по Арктике. Идет ли речь о палеоэскимосах или об эскимосах туле, сказать сложно.

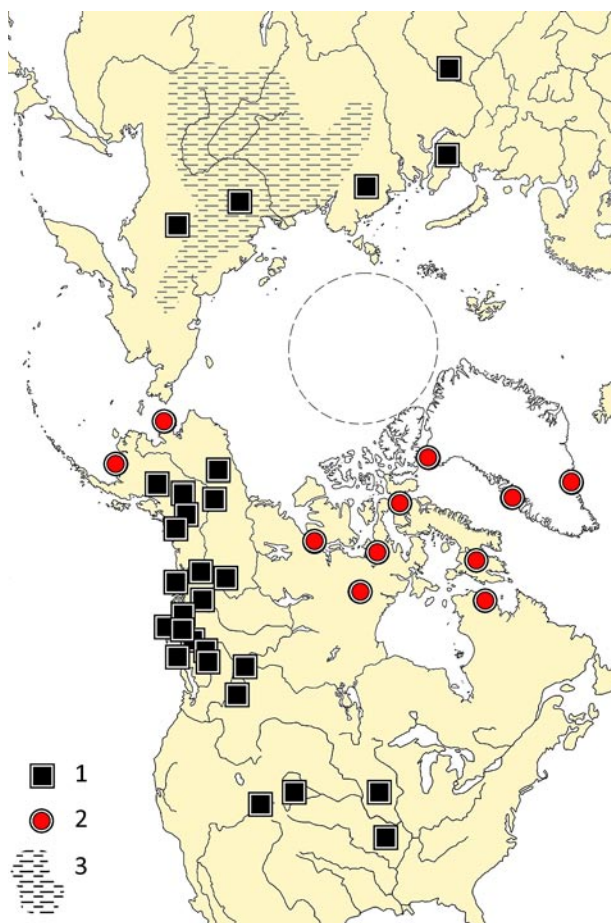

Рис. 8. Распространение мотива «Женищина лжет, будто мужчина промахнулся». Жена, мать или бабушка направляет стрелу слепого мужчины или мальчика в подошедшего зверя, лжет, будто выстрел был неудачным, готовит и ест мясо убитого зверя сама. 1 — жена охотника; 2 — мать (реже бабушка) охотника; 3 — примерный ареал распространения белькачинской культуры (Нерюнгринский музей освоения Южной Якутии. Интернет ресурс. <https://francis-maks.livejournal.com/131902.html>) (Дата обращения: 16.05.2024)

Fig. 8. Spread of the motif “Woman lies that man missed”. A blind man or lad kills an animal. His wife or (grand)mother lies that he has missed, cooks and eats all the meat alone. 1 — the woman is the hunter's wife; 2 — the woman is the hunter's (grand)mother; 3 — approximate area of the Belkachi culture (Neryungri Museum of the Development of Southern Sakha. Internet resource. <https://francis-maks.livejournal.com/131902.html>) (Accessed 16.05.2024)

ВЫВОДЫ

Все, что мы знаем об этнокультурных процессах, происходивших в Америке и Евразии до начала Нового времени (и тем более позже), указывает на непрерывное перемещение людей, смену культур, распространение и исчезновение языков. Мы вынуждены использовать этноязыковую карту в том виде, как она представлена, например, в справочнике «Народы мира» (М., 1988), хотя в прошлом эта карта постоянно менялась. Ценность больших данных по фольклору и мифологии состоит в том, что содержащаяся в них информация передается иными путями и способами, чем производственные навыки, стили искусства, языки и гены. В устных традициях могут неопределенно долго сохраняться фрагменты исчезнувших культур, в том числе и ретранслируясь через несколько «культурных слоев».

Принимая выводы археологов и генетиков относительно вероятного происхождения палеоэскимосов от создателей белькачинской культуры и убедившись в том, что их устные традиции демонстрируют южноамериканские и восточноазиатские, но отнюдь не сибирские параллели, вряд ли можно предположить распространение «палеоиндейских» мотивов в континентальной Сибири 5000 лет назад. Это вполне допустимо в отношении плейстоцена, но для среднего голоцена все же сомнительно. Надежнее предположить, что характерный для американской Арктики набор повествовательных эпизодов и мифологических образов сформировался не в Сибири, а на Аляске и в большей степени восходит к местному субстрату, нежели к традициям предполагаемых языковых предков эскимосов и алеутов в Якутии или на Колыме.

БЛАГОДАРНОСТИ

Благодарю Е.Н. Дувакина и А.Г. Козинцева за сделанные замечания и обмен мнениями по теме статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Березкин 2018.* Березкин Ю.Е. Отражение картины мира в традиционных нарративах: реконструкция глобальных тенденций распространения и хронологической последовательности появления мотивов мифологии // АЭАЕ. — 2018. — Т. 46. — № 2. — С. 149–157.
- Березкин, Дувакин 2024.* Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>; <https://www.areasofmyths.com>. (Дата обращения: 11.11.2024).
- Boas 1940.* Boas F. *Race, Language, and Culture*. — Chicago, London: The University of Chicago Press, 1940. — 647 p.
- Campbell 1997.* Campbell L. *American Indian Languages. The historical linguistics of Native America*. — New York; Oxford: Oxford University Press, 1997. — 512 p.
- Dumond 1974.* Dumond D.E. Prehistoric ethnic boundaries on the Alaska Peninsula // *Anthropological Papers of the University of Alaska*. — 1974. — Vol. 16. — No. 1. — P. 1–7.
- Dumond 2005.* Dumond D.E. *A Naknek Chronicle. Ten Thousand Years in a Land of Lakes and Rivers and Mountains of Fire*. — King Salmon: Katmai National Park & Preserve, 2005. — 112 p.
- Flegontov et al. 2019.* Flegontov P., Altınışık N.E., Changmai P., Rohland N., Mallick S., Adamski N., Bolnick D.A., Broomandkoshbacht N., Candilio F., Culleton B.J., Flegontova O., Friesen T.M., Jeong C., Harper T.K., Keating D., Kennett D.J., Kim A.M., Lamnidis T.C., Lawson A.M., Olalde I., Oppenheimer J., Potter B.A., Raff J., Sattler R.A., Skoglund P., Stewardson K., Vajda E.J., Vasiliev S., Veselovskaya E., Hayes M.G., O'Rourke D.H., Krause J., Pinhasi R., Reich D., Schiffels S. Palaeo-Eskimo genetic ancestry and the peopling of Chukotka and North America // *Nature*. — 2019. — Vol. 570. — P. 236–240.
- García 1993.* García A. *Guaraunos*. — Quito: Abya-Yala, 1993. — 320 p. (Los pueblos indios en sus mitos. No. 14).
- Gill et al. 2024.* Gill H., Lee J., Jeong C. Reconstructing the genetic relationship between ancient and present-day Siberian populations // *Genome Biological Evolution*. — 2024. — Vol. 16. — No. 4. — evae063. DOI: 10.1093/gbe/evae063.
- Human Colonization... 2017.* *Human Colonization of the Arctic. The Interaction between Early Migration and the Paleoenvironment* / Ed. by V.M. Kotlyakov, A.A. Velichko, S.A. Vasil'ev. — London: Academic Press, 2017. — 628 p.
- Kroeber 1908.* Kroeber A.L. Catch-words in American mythology // *Journal of American Folklore*. — 1908. — Vol. 21. — P. 222–227.
- Lowie 1908.* Lowie R.H. Catch-words for mythological motifs // *Journal of American Folklore*. — 1908. — Vol. 21. — P. 24–27.
- Perri et al. 2021.* Perri A.R., Feuerborn T.R., Frantz L.A., Larson G., Malhi R.S., Meltzer D.J., Witt K.E. Dog domestication and the dual dispersal of people and dogs into the Americas // *PNAS*. — 2021. — Vol. 118. — No. 6. — e2010083118. DOI: 10.1073/pnas.2010083118.
- Prates et al. 2010.* Prates L., Prevosti F.J., Berón M. First records of Prehispanic dogs in Southern South America (Pampa-Patagonia, Argentina) // *Current Anthropology*. — 2010. — Vol. 51. — No. 2. — P. 273–280.
- Rice et al. 2023.* Rice J.M., Paulen R.C., Ross M., McClenaghan M.B., Campbell H.E. Quaternary geology of the southern Core Zone area, Quebec and Newfoundland and Labrador // *Surficial geology of northern Canada: a summary of Geo-mapping for Energy and Minerals program contributions*. — Keewatin: Natural Resources Canada, 2023. — P. 221–265. (Geological Survey of Canada. Bull. 611).
- Raghavan et al. 2014.* Raghavan M., Degiorgio M., Albrechtsen A., Moltke I., Skoglund P., Korneliusson T.S., Grønnow B., Appelt M., Gulløv H.C., Friesen T.M., Fitzhugh W., Malmström H., Rasmussen S., Olsen J., Melchior L., Fuller B.T., Fahrni S.M., Stafford T., Grimes V., ... Willerslev E. The genetic prehistory of the New World Arctic // *Science*. — 2014. — Vol. 345. — No. 6200. — P. 1020.
- Rasmussen et al. 2010.* Rasmussen M., Li Y., Lindgreen S., Pedersen J.S., Albrechtsen A., Moltke I., Metspalu M., Metspalu E., Kivisild T., Gupta R., Bertalan M., Nielsen K., Gilbert M.T.P., Wang Y., Raghavan M., Campos P.F., Kamp H.M., Wilson A.S., Gledhill A., ... Willerslev E. Ancient human genome sequence of an extinct Palaeo-Eskimo // *Nature*. — 2010. — Vol. 463. — P. 757–762. DOI:10.1038/nature08835.
- Tremayne, Rasic 2016.* Tremayne A.H., Rasic J.T. The Denbigh flint complex of Northern Alaska // *The Oxford Handbook of the Prehistoric Arctic*. — Oxford: Oxford University Press, 2016. — P. 349–370.
- Wardle 1900.* Wardle H.N. The Sedna cycle: a study in myth evolution // *American Anthropology*. — 1900. — Vol. 2. — No. 3. — P. 568–580.
- Wassén 1934.* Wassén H. *Mitos y cuentos de los Indios Cunas* // *Journal de la Société des Américanistes. Nouvelle série*. — 1934. — Vol. 26. — No. 1. — P. 1–35.
- Wilbert 1970.* Wilbert J. *Folk Literature of the Warao Indians*. — Los Angeles: University of California, 1970. — 614 p.
- Zerries 1954.* Zerries O. *Wild- und Buschgeister in Südamerika. Eine Untersuchung jägerzeitlicher Phänomene im Kulturbild südamerikanischer Indianer*. — Wiesbaden: F. Steiner, 1954. — 401 S.

REFERENCES

- Berezkin, Yu.E., Otrazhenie kartiny mira v traditsionnykh narrativakh: rekonstruktsiia global'nykh tendentsii rasprostraneniia i khronologicheskoi posledovatel'nosti poiavleniia motivov mifologii [Manifestation of Worldviews in Traditional Narratives: A Reconstruction of Global Tendencies in the Dispersal and Chronology of the Emergence of Mythological Motifs], *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, 2018, vol. 46, no. 2, pp. 140–148, (in Russian).
- Berezkin, Yu.E., Duvakin, E.N., *Tematicheskaiia klassifikatsiia i raspredelenie folklorno-mifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskiy katalog* [Thematic Classification and Spatial Distribution of Folklore and Mythological Motifs. Analytical Catalog]. (Online), Available from <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>, <https://www.areasofmyths.com> (Accessed 10.11.2024).
- Boas, F., *Race, Language, and Culture*, Chicago; London: The University of Chicago Press, 1940, 647 p.

- Campbell, L., *American Indian Languages. The historical linguistics of Native America*, New York; Oxford: Oxford University Press, 1997, 512 p.
- Dumond, D.E., Prehistoric Ethnic Boundaries on the Alaska Peninsula, *Anthropological Papers of the University of Alaska*, 1974, vol. 16, no. 1, pp. 1–7.
- Dumond, D.E., *A Naknek Chronicle. Ten Thousand Years in a Land of Lake and Rivers and Mountains of Fire*, King Salmon: Katmai National Park & Preserve, 2005, 112 p.
- Flegontov, P., Altınışık, N.E., Changmai, P., Rohland, N., Mallick, S., Adamski, N., Bolnick, D.A., Broomandkoshbacht, N., Candilio, F., Culleton, B.J., Flegontova, O., Friesen, T.M., Jeong, C., Harper, T.K., Keating, D., Kennett, D.J., Kim, A.M., Lamnidis, T.C., Lawson, A.M., Olalde, I., Oppenheimer, J., Potter, B.A., Raff, J., Sattler, R.A., Skoglund, P., Stewardson, K., Vajda, E.J., Vasilyev, S., Veselovskaya, E., Hayes, M.G., O'Rourke, D.H., Krause, J., Pinhasi, R., Reich, D., Schiffels, S., Palaeo-Eskimo Genetic Ancestry and the Peopling of Chukotka and North America, *Nature*, 2019, vol. 570, pp. 236–240.
- García, A., *Guaraunos*, Quito: Abya-Yala, 1993, 320 p. (Los pueblos indios en sus mitos. No. 14).
- Gill, H., Lee, J., Jeong, C., Reconstructing the Genetic Relationship Between Ancient and Present-Day Siberian Populations, *Genome Biological Evolution*, 2024, vol. 16, no. 4, evae063. DOI: 10.1093/gbe/evae063.
- Kotlyakov, V.M., Velichko, A.A., Vasil'ev, S.A. (eds.), *Human Colonization of the Arctic. The Interaction Between Early Migration and the Paleoenvironment*, London: Academic Press, 2017, 628 p.
- Kroeber, A.L., Catch-Words in American Mythology, *Journal of American Folklore*, 1908, vol. 21, pp. 222–227.
- Lowie, R.H., Catch-Words for Mythological Motifs, *Journal of American Folklore*, 1908, vol. 21, pp. 24–27.
- Perri, A.R., Feuerborn, T.R., Frantz, L.A., Larson, G., Malhi, R.S., Meltzer, D.J., Witt, K.E., Dog Domestication and the Dual Dispersal of People and Dogs into the Americas, *PNAS*, 2021, vol. 118, no. 6, e2010083118. DOI: 10.1073/pnas.2010083118.
- Prates, L., Prevosti, F.J., Berón, M., First Records of Prehispanic Dogs in Southern South America (Pampa-Patagonia, Argentina), *Current Anthropology*, 2010, vol. 51, no. 2, pp. 273–280.
- Raghavan, M., Degiorgio, M., Albrechtsen, A., Moltke, I., Skoglund, P., Korneliussen, T.S., Grønnow, B., Appelt, M., Gulløv, H.C., Friesen, T.M., Fitzhugh, W., Malmström, H., Rasmussen, S., Olsen, J., Melchior, L., Fuller, B.T., Fahrni, S.M., Stafford, T., Grimes, V., ... Willerslev, E., The Genetic Prehistory of the New World Arctic, *Science*, 2014, vol. 345, no. 6200.
- Rasmussen, M., Li, Y., Lindgreen, S., Pedersen, J.S., Albrechtsen, A., Moltke, I., Metspalu, M., Metspalu, E., Kivisild, T., Gupta, R., Bertalan, M., Nielsen, K., Gilbert, M.T.P., Wang, Y., Raghavan, M., Campos, P.F., Kamp, H.M., Wilson, A.S., Gledhill, A., ... Willerslev, E., Ancient Human Genome Sequence of an Extinct Palaeo-Eskimo, *Nature*, 2010, vol. 463, pp. 757–762. DOI:10.1038/nature08835.
- Rice, J.M., Paulen, R.C., Ross, M., McClenaghan, M.B., Campbell, H.E., Quaternary Geology of the Southern Core Zone Area, Quebec and Newfoundland and Labrador, in: *Surficial Geology of Northern Canada: a Summary of Geo-mapping for Energy and Minerals Program Contributions (Geological Survey of Canada, bull. 611)*, Keewatin: Natural Resources Canada, 2023, pp. 221–265.
- Tremayne, A.H., Rasic, J.T., The Denbigh Flint Complex of Northern Alaska, in: *The Oxford Handbook of the Prehistoric Arctic*, Oxford: Oxford University Press, 2016, pp. 349–370.
- Wardle, H.N., The Sedna Cycle: a Study in Myth Evolution, *American Anthropology*, 1900, vol. 2, no. 3, pp. 568–580.
- Wassen, H., Mitos y cuentos de los Indios Cunas, *Journal de la Société des Américanistes*, 1934, vol. 26, no. 1, pp. 1–35.
- Wilbert, J., *Folk Literature of the Warao Indians*, Los Angeles: University of California, 1970, 614 p.
- Zerries, O., *Wild- und Buschgeister in Südamerika. Eine Untersuchung jüngerzeitlicher Phänomene im Kulturbild südamerikanischer Indianer*, Wiesbaden: F. Steiner, 1954, 401 S.